

о том, что солдат раздали в „дополнку“ стрелецким полкам, после того, как в 1698 году было расформировано стрелецкое войско. Н. А. Бакланова указывает, что и после 1698 года продолжали существовать городские стрельцы, но это еще не значит, что существовали стрелецкие полки и что солдаты дополняли стрелецкое войско. Вернее было бы предположить, что в XVIII веке стрельцы могли быть направлены „в дополнку“ солдатам. Эта справка лишней раз доказывает, что „Повесть“ была написана в XVII веке, не позже 1698 года.

Наконец, необходимо остановиться на следующем доводе Н. А. Баклановой: „Кроме того, стрихи, которыми она („Повесть“, — С. К.) рисует личность царя Михаила Федоровича, в действительности скорее можно отнести к Петру I. В самом деле, воинские успехи Саввы становятся известны самому царю; бес говорит Савве: «царь узнает твою службу и повысит тебя в чине». Эту и подобные ей фразы, подразумевающие доступность царя для солдат, трудно отнести к царям XVII века, окруженным строгим полуцерковным дворцовым ритуалом, и особенно к бледной, инертной фигуре Михаила Федоровича; такая фраза гораздо более уместна по отношению к Петру¹. В данном случае, думается, исследовательница переоценила способность писателя XVII века следовать исторической правде. Древнерусский писатель любого царя мог представить как царя-батюшку, независимо от того, каким этот царь был в действительности. В то же время автор „Повести о Савве Грудцыне“ ни в коем случае не мог положительному герою, каким является Михаил Федорович, приписать черты Петра I. Доказательством этого является содержание и идейная направленность „Повести“. Уже заглавие говорит об основной религиозной идее этого произведения: „Повесть зело предивна и истинна, яке бысть во дни сия; како человеколюбивый бог являет человеколюбие свое над народом христианским“ (разрядка моя, — С. К.).² Такую же тенденциозную окраску имеет и все повествование. Если, учитывая религиозный характер „Повести“, попробовать представить ее произведением начала XVIII века, т. е. приблизительно того времени, когда по приказу Петра церковные колокола передвигались в пушки, то совершенно очевидно, что Петр скорее всего был бы изображен отрицательно. Однако отрицательные черты в образе царя не обнаруживаются, видеть же портрет Петра в положительном образе царя Михаила Федоровича невозможно, потому что автор „Повести о Савве Грудцыне“ по своему мировоззрению, выразившемуся в идейной направленности этого произведения, мог быть только врагом Петра I. Следовательно, этот довод Н. А. Баклановой не имеет реальных оснований и не может служить доказательством того, что „Повесть“ была написана в XVIII веке.

Вопрос о том, мог ли пользоваться автор XVII века такими терминами, как „экзерция“, „артикул“, „команда“, требует более углубленного исследования. Если эти термины не появились в результате переписки „Повести“ в XVIII веке, то, может быть, они уже встречались в русской речи XVII века, поскольку в русское войско входили наемные иноземные полки.

Не может служить веским доводом и тот факт, что „Повесть“ известна нам только в списках XVIII века. Утеря первоначального списка

¹ Н. А. Бакланова, ук. соч., стр. 455—456.

² Цит. по публикации М. О. Скрипиля (Савва Грудцын. Труды ОДРЛ, т. V, 1947, стр. 228). В дальнейшем все цитаты даются по указанной публикации.